

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА
В ПЬЕСЕ Е.И. ЗАМЯТИНА «БЛОХА»

Мартыненко О.О.

МОВНІ ЗАСОБИ СТВОРЕННЯ КОМІЧНОГО ЕФЕКТУ В П'ЄСІ Є.І. ЗАМЯТИНА «БЛОХА»

Запропонована стаття присвячена такому важливому художньо-стильовому аспекту твору, як мова комедії Є.І. Замятина «Блоха». Автор статті відзначає послідовність драматурга у відтворенні традицій народних театральних-видовищних форм, що проявилось у продуктивному використанні Замятиним багатства мовних засобів гумористичного фольклору. Таким чином авторові вдалося відродити на сцені справжній взірць народної комедії з її жартівливим балаганным тоном, колоритною та образною мовою.

Ключові слова: інсценізація, народна комедія, комічне, мовна характеристика персонажів, мовні засоби гумористичного фольклору.

Мартыненко А.О.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ПЬЕСЕ Е.И. ЗАМЯТИНА «БЛОХА»

Настоящая статья посвящена такому важному художественно-стилевому аспекту произведения, как язык комедии Е.И. Замятина «Блоха». Автор статьи отмечает преемственность драматургом традиций народных театральных-зрелищных форм, которая проявилась в продуктивном использовании Замятиным богатства языковых изобразительных средств юмористического фольклора. Таким образом автору удалось возродить на сцене истинный образец народной комедии с ее шуточным балаганным тоном, колоритным и образным языком.

Ключевые слова: инсценизация, народная комедия, комическое, речевая характеристика персонажей, языковые средства юмористического фольклора.

Martynenko A.

LANGUAGE MEANS OF CREATING COMICAL EFFECT IN E. ZAMIATIN'S PLAY "BLOKHA"

The following article is devoted to such crucial artistic and stylistic aspect of a work as the language of E. Zamiatin's play "Blokha". The author of the article notes playwright's continuity of folk theatrical entertaining forms, that was shown by Zamiatin's effective employment of the profusion of language means of humorous folklore. Thus the author was able to reconstruct a true model of folk comedy with its jocular buffoon tone, colourful and picturesque language.

Key words: dramatization, folk comedy, comical, characters' speech description, language means of humorous folklore.

П'єса Е.І. Замятина «Блоха» неоднократно становилась об'єктом наукового аналізу, однак малоизученним до сих пор остається такий аспект її поезики, як засоби створення комічного. Между тем очевидно, що вказаний аспект являється важливим напрямленням дальнішого вивчення твору, оскільки без нього неможливим представляється комплексний аналіз художньо-стильового своєобразія комедії. Настояща стаття ставить перед собою ціль охарактеризувати основні мовні засоби створення юмористичного ефекту в п'єсі в їх зв'язі з авторською тенденцією до наслідування і відродження традицій народного театру. Теоретичним матеріалом послужили для нас дослідження П.Г. Богатырева, Ю. Борева і Н.І. Савушкиної.

11 лютого 1925 року на сцені МХАТа 2-го відбулась прем'єра комедії «Блоха», написаної великим стилістом і знавцем російського

мова Е.І. Замятиным по мотивах повісті Н.С. - Лескова «Левша». С проханням інсценувати лесковський сказ к відомому прозаїку і початковому драматургу звернувся режиссер 2-ї студії МХАТа А. Дикій. Незважаючи на складність і ризикованість задуму, Замятин прийняв пропозицію режисера. Драматургічний експеримент автора і театру мав оглушливий успіх, про що свідчить тривала сценічна життя спектаклю, витриманого в МХАТі 2-м і Великим Драматическим Театром Ленінграда понад три тисячі представлень. «Блоха» стала одним з найяскравіших явищ свого часу, породивши велику кількість неоднозначних, а іноді і різко протилежних відгуків. При цьому критики офіційного лагера, звинувачували автора п'єси в відмові від злободневних тем, а також відомі театральні і літературні критики, одобрительно відгукуючись на комедію, були єдиними в одному. Серед художественних досто-

инств «Блохи» они особое место отвели ее «ядренному колкому языку», «занимательному тексту», «крепкому и сочному тону». Экспрессивность речи и активное использование художественных средств юмористического фольклора послужили еще одним неопровержимым доказательством авторской приверженности традициям народных театрально-зрелищных форм. Иначе быть не могло – комическим персонажам народных театральных представлений, как отмечает Н.И. Савушкина, присуща шутовская, пародийная речь [7, с. 13]. Драматург, наследуя комизм фольклорных произведений, вводит в текст комедии образцы народной этимологии, оксюмороны, пословицы, поговорки, просторечную идиоматику, формы вольно-фамильярного обращения, каламбуры, традиционные балаганские присказки и прибаутки.

Позаимствовав форму и атрибуты балагана, скоморошьего и раешного действия, Замятин не мог обойти вниманием тот факт, что большинство балаганских и ярмарочных представлений исполнялись лубочным или раешным стихом. Благодаря своей подвижной структуре, лубочный стих оказался востребованным именно в фольклорных произведениях, характерной особенностью которых была импровизационность. В комедии лубочным стихом проговариваются выходные монологи и некоторые отдельные реплики персонажей-халдеев, появляющихся на сцене в традиционных образах героев интермедий или райка. Введя новых героев в канву лесковского повествования и наделив их речь особым характером, Замятин в который раз проявил себя смелым экспериментатором.

Анализируя художественные средства юмористического ярмарочного фольклора, этнограф П.Г. Богатырев значительное внимание уделяет проблеме типологических черт лубочного стиха. Автор статьи говорит о терминологической неоднозначности в отношении данной стихотворной формы, вызванной расхождением в оценке литературоведами ее природы. Так, Ю. Лотман, исследуя художественную природу русских народных картинок, придерживается термина «лубочный стих», при этом относя его «к наиболее архаическим пластам русской театральной речи» [5, с. 323]. Д.С. Лихачев и В.П. Андрианова-Перетц вводят в научный оборот понятие «скомороший стих», сам П.Г. Богатырев склоняется к определению «сказовый стих», а в скобках ставит «раешный» или «лубочный». В качестве доказательства своей позиции фольклорист ссылается на признанный многими исследователями факт, что сказовый стих бытовал еще до появления «райка», т.е. до XVII века [1, с. 487-488]. Однако проговариваемые лубочным стихом выходные монологи служили не только связующим звеном с произведениями народного театра, но и способом создания комичес-

кого эффекта. Пронизанные ироничностью, а порой и сатирой, монологи и раешные прибаутки активно использовали каламбуры, оксюмороны, гиперболы. Приведем пример из речи персонажа-раешника, он же 1-й Халдей:

«1-й Халдей. А вот ан-ндерманир (хватает за шиворот Левшу и ставит его на другую сторону ящичка): мой закадычный друг – знаменитый оружейник Левша, первый тульский богач, в одном кармане – блоха на аркане, а в другом – мощи тараканьи – пожалте на поклонение» [3, с. 325].

Комический эффект в монологе раешника базируется на соединении нескольких противоположных по значению фраз, описывающих «богатство» Левши: «в одном кармане – блоха на аркане, а в другом – мощи тараканьи». Оксюморонное построение фраз находим также в речи голландского Лекаря-аптекаря, пытающегося омолодить старуху Малафеевну посредством «переплавки» в печи: «Господи-Исусе, вперед не суйся, назад не оставайся, в середке не болтайся» [3, с. 315].

Традиционным комическим приемом у Замятина также выступает намеренное введение в текст пьесы образцов народной этимологии, т.е. слов и выражений, подвергшихся искажению под влиянием разговорной речи. В данном случае Замятин сохраняет особенности речевой структуры Н. Лескова. Выражения типа «мелкоскоп» (вместо «микроскоп»), «нимфозория» (вместо «инфузория»), «пубель» (вместо «пудель»), «буреметр» (вместо «барометр») Замятин заимствует из лесковского «Левши», воспользовавшись ними как дополнительным аспектом речевой характеристики персонажей комедии. Таким образом, речевая характеристика приобретает яркую комическую выразительность. Некоторые эпизоды «Левши» почти дословно были переданы драматургом. Сравним:

«Платов. Сиди, с-сукин сын, тут заместо пубеля! И до самого Лондона чтобы у меня не пикнул!» [3, с. 334].

У Н. Лескова атаман Платов с такими словами обращается к Левше: «Сиди здесь до самого Петербурга вроде пубеля – ты мне за все ответишь» [4, с. 203].

Инсценируя повесть «Левша», Замятин ставил перед собой непростую задачу: дать драматургический аналог сказовой манеры Н. Лескова. Вполне закономерно то, что драматург также сохраняет некоторые элементы сказового повествования. Е. Муценко к необходимым условиям сказовой формы повествования относит наличие повествователя, стилизованного под рассказчика, который в свою очередь обладает относительной самостоятельностью и свободой выражения [6, с. 32-33]. Ролью рассказчика в «Блохе», хотя она в большей степени связана с образами персонажей-халдеев, по-своему наделен каждый из героев.

Подобно лесковскому рассказчику они включают в свою речь малознакомые, чуждые им слова, используют социально маркированные и просторечные выражения, иногда пренебрегают нормами литературного языка.

Большое количество комических ситуаций в «Блохе» создается благодаря широкому использованию автором иностранной лексики. Показательным примером может служить диалог Левши и «аглицкого» полового. Так, выражение «*sit даун*» (от англ. «sit down» – присаживайтесь), напуганный Левша путает с русским словом ситный (хлеб, испеченный из просеянной муки), а английский пудинг принимает за студень.

Для создания юмористического эффекта Замятин также прибегает к такому традиционному фольклорному приему, как обыгрывание мнимой глухоты. Примечательным в этой связи является диалог старухи Малафеевны и Царя:

«Царь. Ну, здравствуй, что ли. Не знаешь ли чего вот про эту штуку: бриллиантовый орех нашли, а в орехе – блоха?»

Малафеевна. Глуха? И то, и то, батюшка, глуха! Еще хоть куда, а вот с приглушью стала – это истинно.

Царь (машет рукой). Ну! Вот и сквозь печку ее пропустили, а толку чуть. (Кричит.) Блоха, говорю тебе, блоха!

Малафеевна. *Без греха? Верно: кто ж без греха. Я хоть и не первой молодости, а как время к постели – беда: одна ни за что не усну, покамест Василий Иванович под одеяло не влезет. Васька – кот мой ангорский, это я про него...*» [3, с. 318-319].

Комический эффект диалога основан на омонимичности и игре слов, чьи комедийные возможности были отмечены Ю. Боровым. Размышляя о языковых средствах создания комического, литературовед подчеркивает юмористический потенциал слова: «Разный смысл слов, одинаковых по звучанию, позволяет комедийно сблизить и сопоставить содержание выражаемых этими словами понятий. Уже простая омонимическая близость слов содержит богатые возможности для комедийной обработки жизненного материала» [2, с. 237].

Речевая характеристика выступает богатым источником образной индивидуализации персонажей. В этой связи отдельного внимания заслуживает речевая характеристика донского казака Платова. Его казарменно-грубая, перемежающаяся со льстивыми выражениями речь является важным средством создания неповторимого колоритного образа царского урядника. Так, Платов, обращаясь к «аглицким мастерам», сперва резок и дерзок, но, опомнившись, вновь становится учтивым: «*Так чтоб вывели вы мне секрет у этого проклятого левши. М-малчать! Не выведаете – в Сибирь сгоню! (Спохватившись.) Ах, пардон, пардон, пар-*

дон...» [3, с. 336]. Совмещая разнородные лексические регистры (от грубо-фамильярного до почтительно-любезного), автор достигает необходимого комического эффекта.

Рисуя образ карикатурный, с резко заостренными чертами, Замятин с особой настойчивостью подчеркивает грубость и косяноязычие Платова: персонаж не говорит, как другие герои, а только «*гаркает*» или «*орет*». При этом его речь насыщена жаргонно-сниженной лексикой, сочетающей в себе элементы «божбы», сталкивание которых в пределах одной фразы создает юмористический эффект. В лексиконе Платова спокойно уживаются выражения «*Ам-мишь... черт*»; «*Бог даст... Держи его, сукина сына – да крепче!*» [3, с. 350].

Речевая характеристика оказалась немаловажным средством и в создании другого образа комедии – хитрого, плутоватого и льстивого генерала Кисельвроде. При каждом удобном случае генерал-немец пытается доказать окружающим свое родство с русской культурой. Однако искаженные пословицы и поговорки выдают Кисельвроде и в очередной раз делают его объектом насмешек. Так, вместо идиоматического выражения «*дуракам закон не писан*» он говорит «*дураки законы пишут*»; «*немец хитер, обезьяну выдумал*» Кисельвроде интерпретирует как «*немцев обезьяна выдумала*»; традиционные поговорки «*пуганая ворона куста боится*» и «*обжегся на молоке, дует и на воду*» незадачливый генерал и вовсе искажает до «*пуганая ворона на молоко дует*».

Подобно карнавальным атмосфере народные театральные зрелищные формы тяготеют к особой вольно-фамильярной форме общения, грубо комической, или буффонной, лексике, что сказало и на речевом поведении участников народных гуляний и представлений. Подобных примеров в «Блохе» предостаточно. Это могут быть оскорбительные обращения: «*мордальон*», «*идиолух*», «*стервецы*», «*чувырло чумазное*», «*рвань*», «*голоштанник*»; резкие шутовские выражения: «*чтоб вам лопнуть*», «*в бутылку загоню*», «*да чтоб мне издохнуть*», «*дурья твоя голова*» и прочие. Несмотря на вульгарность и грубость подобных выражений, они, тем не менее, также служили важным дополнительным средством создания комического эффекта.

Попытка «реставрировать» на сцене истинный образец народной комедии была бы неосуществима без специфических языковых средств. Обилие шуточных прибауток и присказок, оксюморонов, буффонной лексики, каламбуров и образцов народной этимологии не просто способствовало созданию комедийного тона произведения, но и служило отображением особенностей неповторимого авторского стиля Е. Замятина, сумевшего донести до читателя и зрителя дух подлинно народ-

ного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства / Петр Григорьевич Богатырев. – М.: Искусство, 1971. – 544 с.

2. Боров Ю.Б. Комическое / Юрий Борисович Боров. – М.: Искусство, 1970. – 270 с.

3. Замятин Е.И. Собрание сочинений: В 5-ти тт. – Т. 3 / Евгений Иванович Замятин [сост., подгот. текста и коммент. Ст. С. Никоненко и А.Н. Тюрина]. – М.: Русская книга, 2004. – 608 с.

4. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 12-

ти тт. – Т. 2 / Николай Семенович Лесков. – М.: «Правда», 1989. – 415 с.

5. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств») / Юрий Михайлович Лотман [сост. Р.Г. Григорьева, предисл. С.М. Даниэля]. – СПб.: Академический проект, 2002. – 544 с.

6. Мущенко Е.Г. Поэтика сказа / Е.Г. Мущенко, В.П. Скобелев, Л.Е. Кройчик. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1978. – 289 с.

7. Народный театр / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А.Ф. Некрыловой, Н.И. Савушкиной].— М.: Сов. Россия, 1991. – 544 с.